Золушка, или Дух матери

Анджела Картер

SHOUT
SHARE IT

- Анджела Картер
  -
  - 1. Изувеченные сестры
  - 2. Обожженная девочка
  - 3. Дорожная одежда

Анджела Картер
Золушка, или Дух матери

Три версии одной истории

1. Изувеченные сестры

Хотя можно было бы с легкостью увести историю от Золушки и сосредоточить на изувеченных сестрах — в самом деле, было бы проще рассматривать ее, как сюжет об отрезании кусочков от женщин, чтобы они подошли, нечто вроде ритуального обрезания, — история, тем не менее, всегда начинается не с Золушки или ее сводных сестер, но с Золушкиной матери, как будто это и впрямь исключительно история про ее мать, даже если в самом начале мать готовится уйти из рассказа, потому что она одной ногой в могиле: «Жена богатого человека заболела и, чувствуя, что ее конец близок, позвала к постели свою единственную дочь».

Обратите внимание на отсутствие мужа/отца. Хотя женщина характеризуется своим отношением к нему («жена богатого человека»), дочка однозначно ее, как бы только ее, и вся драма касается только женщин, происходит почти исключительно среди женщин, является битвой между двумя группами женщин: в правом углу Золушка и ее мать, в левом — мачеха и ее дочки, которых отец не признает, хотя родство все равно подтверждается как текстуальной, так и биологической неизбежностью.

В драме между двумя женскими семьями, находящимися в оппозиции, поскольку они соперничают из-за мужчин (муж/отец, муж/сын), мужчины кажутся лишь пассивными жертвами их прихоти, и все же их значение абсолютное, потому что оно («богатый мужчина», «сын короля») экономическое.

Золушкин отец, пожилой человек, является первым объектом их страсти и раздора; мачеха отрывает его от мертвой матери, как только ослабевает ее хватка, еще до того, как остывает труп. Есть там и молодой человек, потенциальный жених, гипотетический зять, за обладание которым сражаются матери, используя своих дочерей как оружие или как суррогаты в процессе спаривания.

Если мужчины — и банковские счета, которые они представляют, — являются пассивными жертвами двух взрослых женщин, то девочками, всеми тремя, движут единственно воли их матерей. Хотя Золушкина мать умирает в начале истории, статус мертвой делает ее положение лишь более авторитетным. Дух матери доминирует над рассказом и является — в полном смысле — центром, событием, которое заставляет происходить все прочие.

На смертном одре мать заверяет дочку: «Я всегда буду заботиться о тебе и всегда буду с тобой». История поясняет, как она это делает.

Когда мать заставляет ее дать обещание, Золушка еще безымянна. Она дочь своей матери. Вот всё, что нам известно. Это мачеха называет ее Золушкой, в шутку, и, таким образом, стирает ее настоящее имя, каким бы оно ни было, выдворяет ее из семьи, прогоняет от общего стола к одинокому очагу среди углей, лишает ее условного, но почетного статуса дочери и наделяет вместо этого условным, но позорным статусом служанки.

Мать сказала Золушке, что всегда будет заботиться о ней, но затем умерла, а отец женился заново и дал Золушке поддельную мать с собственными дочерьми, которых она любит столь же пылко, как любила и все еще — посмертно — любит, как выяснится вскоре, Золушку ее мать.

Со вторым браком возникает спорный вопрос: кому суждено быть дочерьми? Моим! — заявляет мачеха и заставляет свеженазванную недочь Золушку подметать, драить и спать на очаге, тогда как ее дочери нежатся на чистых простынях в Золушкиной постели. Золушка, более не являющаяся дочерью своей матери, да и своего отца тоже, получает сухое, грязное, зольное прозвище, ибо все превратилось в пыль и золу.

А тем временем фальшивая мать спит на кровати, на которой умерла настоящая мать, и, возможно, на той кровати же кровати ее ублажает муж/отец, пока она находит в этом какое-то удовольствие. Нам не сообщают, как именно муж/отец осуществляет супружеские функции, но мы можем с уверенностью предположить, что они с мачехой спят в одной постели, потому что именно так поступают женатые люди.

А что может настоящая мать/жена с этим поделать? Какой бы любовью, злостью и ревностью она ни пылала, она мертва и лежит в могиле.

Отец в этой истории является для меня загадкой. Неужели он настолько одурманен новой женой, что не видит, что его дочь испятнана отбросами, грязна от своей зольной постели и тяжело трудится? Возможно, он и чувствовал, что в доме разыгрывается драма, но все равно согласился предоставить постановку женщинам, ибо, каким бы отсутствующим он ни был, всегда помните, что это в его доме Золушка спит на углях, а он — невидимое звено, которое связывает как матерей, так и дочерей в их неистовом уравнивании. Он — пассивный инициатор, невидимый организующий принцип, как Бог, и, точно Бог, он возникает собственной персоной в один прекрасный день, чтобы добавить необходимый сюжетный план.

Кроме того, без отсутствующего отца не было бы никакой истории, потому что не было бы никакого конфликта.

Если б они смогли закрыть глаза на свои разногласия и

дружески все обсудили, они бы объединились, чтобы изгнать отца. Тогда все женщины смогли бы спать в одной постели. Если б они оставили отца, он смог бы выполнять работу по дому.

Это необходимый сюжетный план, введенный отцом: он говорит: «Я собираюсь съездить по делам. Какие подарки мои три девочки хотели бы получить, когда я вернусь?»

Заметьте: его три девочки.

Мне кажется, что, возможно, дочери мачехи были и впрямь, все время, его родными дочерьми, такими же родными, как Золушка, его «естественными» дочерьми, как говорится, словно в законнорожденности есть нечто изначально неестественное. Это перегруппировало бы силы в истории и сделало бы его потворство в отношении доминирования других девочек более правдоподобным. Это сделало бы поспешную женитьбу и враждебность мачехи более обоснованными.

Но, ко всему прочему, это трансформировало бы историю во что-то иное, ибо обеспечило мотивацию; это означало бы, что мне пришлось бы обеспечить всех этих людей прошлым, наделить их тремя измерениями, вкусами и воспоминаниями, мне пришлось бы думать о том, чем им питаться, что одевать и что говорить. Это перенесло бы «Золушку» от голой неизбежности волшебной сказки — с ее характерной связующей формулой «и тогда» — к эмоциональной и технической сложности буржуазного реализма. Им пришлось бы научиться думать. Все бы изменилось.

Я буду придерживаться того, что знаю.

Какие подарки хотят три его девочки?

«Привезите мне шелковое платье», — сказала его старшая девочка. «Привезите мне жемчужное ожерелье», — попросила средняя. А как насчет третьей, забытой девочки, в благородном порыве вызванной из кухни и вытирающей огрубевшие от работы руки о фартук, девочки, принесшей с собой запах стряпни?

— Привезите мне первую веточку, которая ударится о вашу шляпу по дороге домой, — сказала Золушка.

Почему она об этом попросила? Намекнула на то, что он слишком низко ее ставит? Или же провидение подсказало ей применить эту случайную формулу неосознанного желания, позволить слепому шансу выбрать за нее подарок? Если только это не дух ее матери, пробудившийся и беспокойно ищущий дорогу домой, вошел в девичий рот и попросил за нее.

Он привез ей ореховую веточку. Она посадила ее на материнской могиле и поливала слезами. Веточка выросла в ореховое дерево. Когда Золушка вышла поплакать на могилу своей матери, дикая голубка проворковала: «Я тебя никогда не оставлю, я всегда буду тебя защищать».

Тут Золушка догадалась, что дикая голубка была материнским духом, а сама она остается дочерью своей матери, и хотя она плакала, выла и страстно желала, чтобы мать вернулась, сердце ее слегка сжалось, когда она поняла, что мать, хотя и мертвая, не ушла насовсем, и теперь придется выполнять материнские распоряжения.

Пришло время чудной ярмарки, которую проводили порой в той стране; когда все местные девственницы отправлялись танцевать перед сыном короля, чтобы тот мог выбрать девушку себе в жены.

Дикая голубка жаждала, чтобы ее дочь вышла замуж за принца. Вы, наверное, подумали, что опыт собственного замужества, должно быть, научил ее быть осторожной, но нет, против рожна не попрешь, что еще делать девочке? Дикая голубка безумно хотела, чтобы ее дочь вышла замуж, так что она влетела в дом, подняла клювом новое шелковое платье, дотащила до открытого окна и сбросила вниз Золушке. С жемчужным ожерельем она поступила так же. Золушка хорошенько помылась во дворе под насосом, надела на себя украденный наряд, тайком прокралась через заднюю дверь и направилась к танцплощадкам, а сводным сестрам пришлось сидеть дома и дуться, потому что им ничего было одеть.

Дикая голубка находилась рядом с Золушкой, клевала ее в уши и оживляла танец, чтобы принц увидел девушку, полюбил ее, последовал за ней и обнаружил упавшую туфельку, ибо история не завершена без ритуального осквернения другой женщины и изувечения ее дочерей.

Поиск ноги, которая подходит туфельке, необходим для осуществления этого ритуального осквернения.

Другая женщина отчаянно хочет того молодого человека. Она готова на все, чтобы его заполучить. Не теряя дочь, приобрести сына. Она так сильно хочет сына, что готова покалечить своих дочерей. Она берет разделочный нож и отрубает старшей дочери большой палец, чтобы ее нога влезла в крошечную туфельку.

Представьте себе.

Замахнувшись мясницким ножом, женщина обрушивается на свою дочь, которая обезумела, словно она не девочка вовсе, а мальчик, и старуха нацелилась на часть тела, более необходимую, нежели палец на ноге. «Нет! — кричит она. — Мама! Нет! Не нож! Нет!» Но палец, так или иначе, отлетает, и она швыряет его в очаг, в золу, и потом Золушка его находит, удивляется и испытывает как трепет, так и страх перед феноменом материнской любви.

Материнской любви, укутывающей этих дочерей точно саван.

Принц не нашел ничего знакомого в лице слезливой молодой женщины — одна туфля сброшена, другая одета, — показанной ему торжественно ее матерью, но сказал: «Я обещал, что женюсь на любой, кому подойдет туфелька, так что возьму тебя в жены», — и они уехали вместе.

Дикая голубка прилетела, порхала вокруг, но не щебетала, не ворковала свадебной паре, а пела страшную песню: «Смотрите! Смотрите! В туфельке кровь!»

Принц, возмущенный обманом, тут же вернул поддельную экс-невесту, но мачеха быстренько оттяпала пятку другой дочери и засунула еще одну несчастную ногу в освободившуюся кровавую туфельку, так что принц — ничего не поделаешь, человек слова — помог новой девочке подняться и снова уехал.

Вернулась воркующая дикая голубка: «Смотрите!» И, само собой, туфелька снова была залита кровью.

— Пусть попробует Золушка, — сказала нетерпеливая дикая голубка.

Так что теперь Золушка должна засунуть ногу в отвратительную емкость, эту открытую рану, все еще слизкую и теплую, ибо ни в одном из многочисленных текстов этой сказки не говорится, что принц вымыл туфельку между примерками. По сути своей это было настоящее испытание — засунуть голую ногу в кровавую туфельку, — но ее мать, дикая голубка, уговорила Золушку тихим, воркующим пением, которому невозможно было не внять.

Если она не окунется без отвращения в эту открытую рану, она не подойдет для женитьбы. Так пела дикая голубка, в то время как другая безумная мать беспомощно стояла рядом.

Нога Золушки, размером с перевязанную ножку китаянки, — культя. Почти инвалид, она запихивает в туфельку крошечную ножку.

— Смотрите! Смотрите! — восторженно кричала дикая голубка, постепенно выдававшая свою духовную природу, становясь все более нематериальной, тогда как Золушка поднялась в туфельке и принялась расхаживать по кругу. Хлюп, — вошла культя в туфельку. Хлюп.

— Смотрите! — пела дикая голубка. — Ее нога подходит туфельке, как труп подходит гробу!

— Видишь, как хорошо я о тебе забочусь, моя дорогая!

2. Обожженная девочка

Обожженная девочка жила в золе. Нет, не совсем обожженная — скорее обугленная, чуть-чуть обугленная, как палка, наполовину сгоревшая и вытянутая из огня. Она была похожа на уголь и золу, потому что с тех пор, как умерла ее мать, она жила в золе, и горячая зола обжигала ее, так что она вся была покрыта струпьями и рубцами. Обожженная девочка жила на очаге, усыпанном золой, как если бы она все еще скорбела.

После того, как ее мать умерла и была похоронена, отец забыл о жене и дочке и женился на женщине, выгребавшей золу, и вот поэтому девочка жила на неубранной золе, и некому было расчесать ей волосы — так что они торчали, точно ветки кустарника, и некому было вытереть грязь с ее покрытого струпьями лица, а она не решалась сделать это сама, но выгребала золу, и спала рядом с котенком, и ела подгоревшие кусочки со дна котелка, выскребая их, сидя на корточках на полу, одна перед огнем, точно и не была человеком, потому что она все еще скорбела.

Ее мать была мертва и лежала в могиле, но чувствовала нестерпимую боль любви, когда смотрела вверх сквозь землю и видела обожженную девочку, покрытую золой.

— Подои корову, обожженная девочка, и принеси молоко, — говорила мачеха; некогда она сама выгребала золу и доила корову, а обожженная девочка делала это теперь.

Дух матери вошел в корову.

— Пей молочко, поправляйся, — сказал дух матери.

Обожженная девочка дергала вымя и отпивала достаточно молока перед тем, как отнести ведро обратно; этого никто не видел, а время шло, она пила молоко каждый день, она поправлялась, у нее росли груди, она сама росла.

Был еще мужчина, мачеха хотела его и позвала в кухню отобедать, но сказала, чтобы еду приготовила обожженная девочка, хотя до этого всей стряпней занималась сама. Когда обожженная девочка приготовила обед, мачеха послала ее доить корову.

— Я хочу себе того мужчину, — сказала обожженная девочка корове.

Корова давала все больше, и больше, и больше молока — достаточно для того, чтобы девочка напилась, умылась и вымыла руки. Умывшись, она соскребла струпья и теперь больше не была обожженной, зато корова была пуста.

— Давай собственное молоко в следующий раз, — сказал дух

матери внутри коровы. — Ты выдоила меня насухо.

Подошел котенок. Дух матери вошел в него.

— Тебе нужно сделать прическу, — сказал котенок. — Ложись.

Котенок расправлял своими умелыми лапками ее космы, пока волосы обожженной девочки не начали красиво виться, но они были такие спутанные, что перед тем, как прическа была готова, коготки у котенка были все выдраны.

— Расчесывай свои волосы сама в следующий раз, — сказал котенок. — Ты меня покалечила.

Обожженная девочка была чистая и расчесанная, но совершенно голая.

На яблоне сидела птица. Дух матери покинул котенка и вошел в птицу. Птица ударила клювом в свою грудку. Кровь полилась на обожженную девочку, стоявшую под деревом. Она стекала по ее плечам и покрывала ее спереди и сзади. Когда у птицы закончилась кровь, на обожженной девочке появилось красное шелковое платье.

— Делай свое платье сама в следующий раз, — сказала птица. — Я покончила с этим кровавым делом.

Обожженная девочка зашла на кухню показаться мужчине. Она была уже не обожженной, но красивой. Мужчина отвел глаза от мачехи и посмотрел на девочку.

— Пошли ко мне домой, и пусть твоя мачеха остается и выгребает золу, — сказал он ей, и они ушли. Он дал ей дом и деньги. Все у нее вышло хорошо.

— Теперь я могу спокойно уснуть, — сказал дух матери. — Теперь все в порядке.

3. Дорожная одежда

Мачеха взяла раскаленную докрасна кочергу и обожгла ею лицо сироты, потому что та не выгребала золу. Девочка пошла к могиле своей матери. В земле ее мать сказала: «Наверное, идет дождь. Или снег. Если только сегодня вечером не выпала обильная роса».

— Дождя нет, снега нет, для росы еще слишком рано. Это мои слезы падают на твою могилу, мама.

Мертвая женщина дождалась наступления ночи. Затем она выбралась наружу и пошла к дому. Мачеха спала на перине, а обожженная девочка на очаге среди золы. Когда мертвая женщина ее поцеловала, шрам исчез. Девочка проснулась. Мертвая женщина дала ей красное платье.

— Я носила его, когда была в твоем возрасте.

Девочка надела красное платье. Мертвая женщина вынула из своих глазниц червей; они превратились в драгоценные камни. Девочка надела бриллиантовое кольцо.

— Я носила его, когда была в твоем возрасте.

Они пошли вместе к могиле.

— Ложись в мой гроб.

— Нет, — сказал девочка. Она дрожала.

— Я легла в гроб своей матери, когда была в твоем возрасте.

Девочка легла в гроб, хотя думала, что это сведет ее в могилу. Он превратился в карету и лошадей. Лошади били копытами, порываясь умчаться.

— Езжай и отыщи свою судьбу, дорогая.

Перевод Игоря Карыча